

Высшие чиновники МИД России о Греции в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. (По новым материалам МИД РФ)

В 2014 г. МИД РФ издал солидный, и по размеру, и по содержанию, почти 1000-страничный сборник архивных документов, многие из которых были опубликованы впервые¹. Он был приурочен к 100-летию начала Первой мировой войны. Для историков-международников особенно ценно то, что в нем отдается дань российской дипломатии, которая стремилась до конца исполнить свой патриотический и профессиональный долг. Главной целью этого труда, по словам самих издателей, было «возродить память о её усилиях по созданию благоприятных внешних условий для достижения победы». На основе обширного и почти не известного материала раскрывается напряженная и многогранная работа внешнеполитического ведомства России в период Первой мировой войны. В сборник включены такие материалы, как Обзор международного положения, сделанный министром иностранных дел Российской империи (1910–1916 гг.) Сергеем Дмитриевичем Сазоновым в Государственной думе незадолго до начала июльского кризиса 1914 г.; уникальный по насыщенности и достоверности Дневник МИД за все годы войны; Записка вице-директора дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего Н.А. Базили от ноября 1914 г.; речь С.Д. Сазонова в Государственной думе 27 января 1915 г.; Журнал межведомственного совещания от 6 и 16 февраля 1915 г.; Представление МИД в Совет министров 4 декабря 1915 г.; речь С.Д. Сазонова в Государственной думе 9 февраля 1916 г.; Справка дипломатической канцелярии при Ставке 24 ноября 1916 г. о событиях в Греции в 1916 г.; Протокол заключительного заседания петроградской союзной конференции

7 (20) февраля 1917 г. и другие разнообразные документы. Многие из них проливают свет на коренное противоречие внешней политики России — ее жизненная необходимость в сохранении европейского мира — и европейских союзниц-империй, что всё более расходилось с фатальным ходом развития европейской политики. Впервые опубликованы (частично) воспоминания выдающихся дипломатов об истории войны. Впервые показана картина дипломатической службы в драматических условиях революции 1917 г., когда русская дипломатия проявила невиданную сплоченность и стремление сохранить верность союзникам и довести войну до победного конца.

Одним их важнейших во внешней политике России являлся Балканский регион. Непосредственно Греции в этом сборнике отведено достаточно места. Она упоминается более, чем на 50 страницах, касающихся главных событий Первой мировой войны, связанных с действиями Антанты на Востоке против Османской империи, входящей в Центральный блок: с Дарданелльской операцией союзников 1915 г., открытием Салоникского фронта в 1916 г., в связи с территориальными вопросами, возникшими между балканскими государствами при разделе погибающего турецкого колосса, и т.д. Греция упоминается в Дневнике МИД за все годы войны.

Весьма интересные детали уже известных событий дополняют записи в Дневнике МИД Российской империи за каждый год войны. Наиболее уязвимой на австро-сербском фронте оказалась союзница Греции по двум Балканским войнам Сербия. Уже к 7 ноября 1914 г., из-за недостатка боеприпасов и угрозы её охвата неприятелем, сербская армия отошла в глубь страны, оставив Белград. Требовалась немедленная помощь её союзниц по Антанте. Даже Италия, соблюдавшая выжидательный нейтралитет, была обеспокоена ситуацией, грозившей ей самой потерей территорий. Поэтому 25 ноября 1914 г., как записано в Дневнике МИД, итальянский посол в России маркиз Андреа Карлотти посетил С.Д. Сазонова для обсуждения главного вопроса, стоявшего на повестке дня, — о военной помощи Сербии со стороны Греции, т.е. сама нейтральная Италия собиралась обсуждать вопрос о выведении из состояния нейтралитета другого государства².

Королевская Греция, как известно, с первых дней войны объявила о своем доброжелательном к державам Антанты нейтралитете, несмотря на то, что часть политиков во главе с премьер-министром (в 1910–1915, 1917–1923 гг.) Элефтериосом Венизелосом ратовали за немедленное вступление в войну на помощь Сербии, но, правда, на определенных гарантиях неприкосновенности ее территории, завоеванной в двух Балканских войнах 1912–1913 гг. Итальянский посол посетил российский МИД с целью как раз обсудить такие гарантии Греции со стороны Болгарии, еще не вступившей в войну на стороне Германии³. Болгария не собиралась давать гарантии Греции, считая себя несправедливо обделенной в годы Второй Балканской войны, требовала почти невозможного, и переговоры с ней были неудачными. В начале декабря, получив от держав Антанты помощь артиллерией и боеприпасами, Сербия вновь перешла в контрнаступление, нанеся австрийцам поражение и вторично отбросив их за пределы Сербии.

Разногласия между лидером либералов и видным политическим деятелем Греции Венизелосом и королем Константином шли по двум линиям: территориальному вопросу и помощи Сербии. Премьер считал возможным уступить Болгарии Кавалу, чтобы привлечь ее на свою сторону. Греческий же король был решительно против, называя эту жертву «чудовищной несправедливостью»⁴. Взамен передачи Кавалы Венизелос надеялся на вне-балканские компенсации в пользу Греции, в частности, на Смирну с прилегающими к ней районами⁵. Сознавая непрочность своего положения, Венизелос был вынужден сделать уступку роялистам, стремившимся к самому узкому истолкованию греко-сербского союза. 3 сентября в официальной прессе появились разъяснения, что греко-сербский договор имеет своей целью сохранение статус-кво только на Балканах, т.е. отказ своей союзнице в помощи в ее борьбе против Австро-Венгрии и Германии, так как оба эти государства не являлись балканскими. Король соглашался выполнить союзные обязательства по отношению к Сербии при наличии румынской помощи Греции, что было мало исполнимо⁶.

Тем не менее все дипломатические рычаги были приведены в движение, чтобы заставить Грецию прийти на помощь Сер-

бии. Так, в продолжительной речи министра иностранных дел С.Д. Сазонова в Государственной думе 27 января 1915 г. уделялось место и Греции. Сазонов говорил, что «отношение наше к Греции, испытанному другу нашей союзницы Сербии, носит самый сердечный характер. [...] Стремление эллинского народа положить конец страданиям своих соплеменников, находящихся еще под игом Турции, не может не вызвать сочувствия императорского правительства»⁷. Но король Константин считал, что Греческому королевству гораздо выгоднее сохранять нейтралитет, и не поддавался на уговоры держав Согласия. Так продолжалось еще два года.

В 1915 г. армии Центрального блока перешли в наступление на Балканском фронте, где их позиции значительно усилились в результате заключения 3 сентября 1915 г. болгаро-турецкого соглашения и подписания 6 сентября военной конвенции и союзного договора между Болгарией, Германией и Австро-Венгрией. Болгария, заключившая тайные соглашения, приступила к мобилизации армии. Премьер-министр Греции потребовал от короля Константина также провести мобилизацию, угрожая в противном случае уйти в отставку. Король отвечал ему: «Вы знаете, что я не хочу помогать сербам, так как убежден в победе Германии и не намерен подвергать свою страну разорению»⁸. Однако вскоре он подписал декрет о мобилизации греческой армии, взяв курс на вооруженный нейтралитет.

Летом 1915 г. борьба за выбор Греции между воюющими группировками обострилась. Неудачи Антанты на фронтах укрепляли веру греческого двора и генштаба в неизбежность победы Центральных держав. В беседах с посланниками Антанты король Константин не стеснялся более высказывать германофильские убеждения и желание сохранять нейтралитет. Тем более, что из разговоров с германским императором он вынес впечатление, что Болгария несомненно выступит заодно с Турцией и Германией⁹. В августе Э. Венизелос вновь стал председателем кабинета министров и министром иностранных дел Греции, однако его оппоненты не дремали: в Греции создавалась атмосфера недоверия к державам Антанты и поборнику курса на союз с ними — проанглийскому либералу Венизелосу.

Важнейшим вопросом международной политики в годы Первой мировой войны был вопрос о Проливах и Константинополе. Об этом имеется обширная научная литература и многочисленные документальные источники¹⁰.

В Записке вице-директора дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего Н.А. Базили от ноября 1914 г., опубликованной в сборнике МИД, рассматривался «исторический вопрос о Проливах, который имеет для России экономическое, стратегическое и общеполитическое значение»¹¹. В этом документе было уделено внимание также вопросу об их нейтрализации и даже владению Проливами Болгарией или Грецией. Базили считал, что несмотря на то, что владение берегами Проливов сильным государством представляло для России очевидно большую опасность, но при этом, писал он, «можно ... думать, что Болгария или Греция оказались бы для нас в этой роли опаснее, чем Турция»¹².

Значительную роль в Дарданелльской экспедиции Уинстон Черчилль (в 1911–1915 гг. — первый лорд Адмиралтейства Великобритании), мечтавший, по его собственному признанию, о том, чтобы Галлиполи было занято одновременно с объявлением войны¹³, отводил военным силам и флоту Греции, политические и экономические интересы которой были теснее других балканских государств связаны с Англией.

19 февраля 1915 г. началась англо-французская операция по овладению Дарданеллами. В 1915 г. державы Антанты, главным образом Великобритания, предприняли морские и сухопутные операции с целью овладения Черноморскими проливами — Дарданеллами и Босфором, а также Константинополем (Стамбулом). Разумеется, что главный зачинщик Дарданелльской экспедиции У. Черчилль и многие из его единомышленников в правительстве Англии преследовали прежде всего политическую цель: оккупировать Константинополь и Проливы до того, как они должны будут, согласно тайному соглашению между Россией, Великобританией и Францией (в форме обмена памятными записками и нотами) от февраля — апреля 1915 г., отойти к Российской империи.

В Памятной записке посольства Великобритании в Петрограде министру иностранных дел С.Д. Сазонову 21 февраля (6 марта)

1915 г. говорилось: «Помощь, и особенно военная помощь, Греции на Галлипольском полуострове может представиться важной и существенно необходимой для полного успеха операции». Поэтому англичане просили Россию «не препятствовать» ей в привлечении греческих сил. «Императорское правительство, — говорилось в Памятной записке, — должно принять во внимание, что неудача Дарданелльской операции повлекла бы за собой очень тяжелые последствия»¹⁴. «Правительство Его величества никогда не рассматривало вопроса об аннексии в пользу Греции какой-либо части Проливов. Смирна представляет ту часть турецкой территории, которая рассматривалась как компенсация Греции. [...] Правительство Его величества охотно допускает, что Греция не должна иметь точки опоры на проливах, что противоречило бы русским интересам»¹⁵. Меньше, чем через неделю, 27 февраля (12 марта) 1915 г., посольство Великобритании в Петрограде вновь обращается к С.Д. Сазонову с очередной Памятной запиской по вопросу привлечения Греции к операциям в Проливах. Англичане поясняют, что «одной из главных целей правительства Его величества в операциях в Дарданеллах было привлечение нейтральных государств», особенно Греции. Англия просила еще раз поддержать её намерение использовать легкие флотилии греков¹⁶. Однако доводы англичан были для русской дипломатии неубедительными. В Дневнике есть интересная запись от 22 февраля 1915 г. За завтраком у румынского посланника С.Д. Сазонов имел довольно обстоятельный разговор со своим соседом, греческим посланником в России (в 1914–1915 гг.) Ионой Драгумисом, и подтвердил ему, что Россия не может допустить вмешательства Греции в разрешение вопроса о Константинополе, указав ему, что в интересах Греции не рисковать своим флотом для действий у Дарданелл, так как этот флот может потребоваться ей впоследствии, хотя бы на случай недоразумений с Италией, интересы которой в некоторых областях сталкиваются с греческими¹⁷.

В конце апреля англо-французское командование провело масштабную десантную операцию на Галлиполийском полуострове, но войскам Антанты вновь не удалось добиться успеха. В конце года англо-французское командование решило оставить Галлиполи и на время прекратить операции по овладению Проливами.

Одним из интереснейших документов сборника является Представление МИД в Совет министров 4 декабря 1915 г. В нем говорилось: 10 ноября английский посол в России Д. Бьюкенен (в 1910–1918 гг.) прочел министру С.Д. Сазонову телеграмму статс-секретаря по иностранным делам Великобритании Э. Грея, в которой говорилось о согласии Англии на разрешение вопроса о Проливах и Константинополе «согласно желаниям России». Д. Бьюкенен прочел телеграмму Грея и английскому послу в Париже, в которой также указывалось, что Англия считает справедливым уступки России в вопросе о Проливах. Совершенно ясно, что западные союзники готовы были на устные заверения России для поднятия ее духа в военных действиях на фронтах мировой войны. Одновременно, как уже писалось, Англия делала всё, чтобы привлечь греческий флот к Дарданелльской операции.

Балканские дела были в начале войны завязаны на привлечении большего числа балканских стран к союзу с Антантой. Румынский посланник в России Константин Диаманди (в 1914–1918 гг.), встретившись с посланником России в Сербии князем Г.Н. Трубецким у российского дипломата барона Э.О. Шиллинга (в Риме) и обсуждая проблему территориальных уступок, ставил главной задачей сплочение блока Румынии, Сербии и Греции с тем, чтобы привлечь по возможности к этому блоку Болгарию или хотя бы оказать на нее давление¹⁸. Есть записи в Дневниках МИД, что еще 16 (29) мая 1915 г. державы Согласия предложили ряд территориальных уступок взамен ее немедленного вступления в войну против Турции. Державы, наряду с другими уступками, воздействовали на Грецию, чтобы она уступила Кавалу Болгарии, а взамен Греция должна была получить территориальные приобретения в Малой Азии¹⁹. Однако Греция отвергала любые уступки Болгарии.

Тем временем, 6 декабря, Болгария, которой Центральными державами были обещаны значительные территориальные компенсации (вся сербская часть Македонии, территория до правого берега Моравы включительно, а в случае перехода Греции и Румынии на сторону Антанты — часть греческой Македонии и Южная Добруджа), вступила в австро-болгаро-германо-турецкий Четверной союз.

1 (14) октября 1915 г. Болгария напала на Сербию, которая теперь была охвачена с севера и востока превосходящими австро-венгерскими, германскими и болгарскими силами, что поставило малочисленную сербскую армию в тяжелое положение. Таким образом устанавливалось беспрепятственное сообщение между Турцией и Германией. В исключительно трудных условиях сербская армия, отражая наступление войск германской коалиции, отходила к берегам Адриатики; вместе с ней уходила и значительная часть сербского населения. Остатки сербской армии (около 120 тыс. человек) эвакуировались на греческий о. Корфу.

26 апреля 1915 г. в Лондоне было подписано секретное соглашение между Россией, Великобританией, Францией и Италией об условиях вступления в войну Италии. Итальянское правительство обязалось начать войну через месяц и сдержало обещание, аннулировав союзный договор с Австро-Венгрией.

Наиболее последовательной защитницей интересов Сербии была Россия. Сазонов предлагал «не смущаться отставкой Э. Венизелоса и не только не отказываться от начатой высадки, но по возможности ускорить таковую», указывая, что только таким образом можно спасти Сербию. Французское правительство заявляло, что Франция готова предотвратить разгром сербов и преградить австро-венгерским и германским войскам путь на Балканы созданием Салоникского фронта, однако так и не отправила в Салоники достаточных сил. К 21 октября 1915 г. Франция высадилась в Салониках всего 35 тыс., а Англия только 10 тыс. человек²⁰.

Расчеты Сербии и держав Антанты на привлечение Греции на свою сторону рухнули, и Греция перестала играть прежнюю роль, хотя король уже 6 октября объявил, что союзники могут продолжать высаживать свои войска в Салониках. Греция заняла позицию неприсоединения ни к одной из воюющих коалиций и рассматривала присутствие войск Антанты на своей территории всего лишь как гарантию от нападения Болгарии.

Постепенно, в октябре-ноябре 1915 г., английские и французские войска стали высаживаться в районе Салоник (недавно отвоеванной греками у Турции территории), где был развернут державами Антанты новый на Балканах Салоникский фронт, сыгравший большую роль в войне²¹. В декабре 1915 г. М. Сар-

райль, французский военачальник, дивизионный генерал, главнокомандующий Восточной армией союзников на Салоникском фронте, заявил греческому правительству, что союзниками будут предприняты меры по укреплению обороны Салоник, а также предъявил требование об отводе греческих войск из города. В свою очередь, союзники, на случай нарушения греческой границы Германией, обещали не покидать Салоник, но и не воевать на территории Греции без согласия последней. Кроме того, они обещали оказать Греции финансовую помощь. Однако греческое правительство, надеясь дождаться прихода германо-болгарских сил, чинило различные препятствия силам под командованием М. Саррайля: разоружило отступавшие на греческую территорию сербские войска, распорядилось, якобы для нужд греческой армии, угнать в Серры 70 вагонов, которые использовались союзниками для перевозки войск²².

В Журнале межведомственного совещания 6 и 16 февраля 1915 г. есть интересные записи о гуманитарной деятельности МИД России в Греции. Так, МИД России беспокоился о том, что в Греции нуждаются в помощи часть беженцев из Турции, ранее прибывших в Салоники, а также неимущие русские подданные, попавшие в Грецию из Италии, Болгарии и Сербии²³.

Борьба Антанты за привлечение Греции, на чьей территории без согласия короля был открыт Салоникский фронт, продолжилась с новой силой. Действия союзников привели к еще большему расколу политических сил в Греции, страна постепенно распадалась на две части. В Дневнике МИД имеются интересные сведения о действиях российских дипломатов по привлечению греческих сил на сторону союзников. 16 февраля 1915 г., по поручению Сазонова, барон Шиллинг указал греческому посланнику на отрицательное впечатление, произведенное в Петрограде отказом Греции открыто встать на сторону Тройственного соглашения и выступить совместно с ними, несмотря на обещанную державами военную помощь. Всё это говорило об усилении в Афинах влияния Германии и Австро-Венгрии. Указывалось, что не в интересах Греции вызвать недовольство держав Согласия²⁴. 25 сентября Сазонова посетил греческий поверенный в делах в России Димитриос Какламанос (в 1915–1916 гг.) по поводу гре-

ческого вооруженного нейтралитета. Ему было сказано: позиция, занятая Грецией, производит впечатление, что она собирается отказаться от союзнических обязательств в отношении Сербии. Сазонов сообщил, что русские войска окажут Сербии помощь. Министр не скрыл, что решение Греции производит отрицательное впечатление на союзников²⁵. 1(14) ноября 1915 г. российский посланник в Афинах Е.П. Демидов сообщал С.Д. Сазонову, что союзники готовят совместную ноту греческому правительству с изложением требований в связи с предстоящим прибытием в греческие воды союзной эскадры. В ноте говорилось о необходимости положить конец двусмысленному положению Греции, в котором она оказалась²⁶.

Российская общественность горячо интересовалась греческими делами, и МИД России постоянно информировал её о них. Так, в интервью С.Д. Сазонова газете «Речь» 17 января 1916 г. на вопрос о позиции Греции он отвечал следующим образом: «Греция сохраняет нейтралитет. Добровольно или недобровольно — это вопрос другой. Надо надеяться, что правильно понятые интересы страны не позволят греческому правительству идти вразрез с нашими союзниками»²⁷.

Много вопросов у российских политиков и общественности было связано с высадкой союзников в Салониках. В речи С.Д. Сазонова в Государственной думе, произнесенной 9 декабря 1916 г., он разъяснял позицию держав Антанты в связи с нападками вражеских держав германского блока: германский канцлер коснулся отношения держав Согласия к Греции и приравнял их действия к поведению Германии в Бельгии. Если вторжение и разгром этой страны действительно является нарушением принятого на себя Пруссией в 1839 г. священного обязательства, говорил Сазонов, то в мирной высадке союзных войск в Солуни (Салониках. — *О. С.*) момент юридического правонарушения отсутствует совершенно. 8 статья второго Лондонского договора от 3 февраля 1830 г. обуславливает право каждой из трех держав-покровительниц (Англии, России и Франции. — *О. С.*) вводить войска на освобожденную ими греческую территорию только с согласия двух остальных. «Нужно ли добавлять, — продолжал министр, — что согласие России было с самого начала обеспечено нашим союзни-

кам и что, следовательно, требования указанной статьи в точности соблюдены. Помимо этого, войска союзников были посланы в Солунь по приглашению главы эллинского кабинета (Э. Венизелоса. — *О. С.*), видевшего исключительно в доставлении ему этой вооруженной помощи возможность для Греции выполнить ее союзнические обязательства в отношении Сербии»²⁸.

В Дневнике МИД от 19 августа 1916 г. есть такая запись: греческий политический деятель Александрос Заимис сообщил английскому посланнику в Афинах, что Греция собирается выйти из нейтралитета на стороне союзников, в связи с чем, возможно, настал момент обсуждения тех условий, на которых могло бы состояться выступление Греции²⁹. В записи от 21 августа 1916 г. читаем, что, по сведениям из Лондона, королевич Андрей Греческий посетил заместителя государственного секретаря по иностранным делам лорда Гардинга и запросил его с некоторым выражением неудовольствия по поводу тех мер, которые в настоящее время предпринимаются союзниками в отношении Греции (требования об установлении союзного контроля над почтой и телеграфом и о высылке германских агентов). На это лорд Гардинг ответил предъявлением королевичу документа в виде перехваченной радиограммы, с совершенной ясностью устанавливающего передачу греческим генеральным штабом сведений о положении и действиях союзных войск в Македонии болгаро-германскому штабу. Королевич был немного смущен и ничего не возражал³⁰.

На Балканском фронте с начала 1916 г. стояло временное затишье, но с лета стали происходить военные столкновения, и события развивались следующим образом. В августе болгарские войска захватили часть греческой территории в нижнем течении реки Струмы и вели атаки южнее Монастира (Битоль. — *О. С.*). В сентябре союзники, отеснив болгар, заняли Монастир. Силы держав Согласия постепенно возрастали, и установился сплошной фронт от побережья Эгейского моря, вдоль реки Струмы, озера Дойран, через Монастир, Охрид до побережья Адриатического моря, севернее Влоры.

В Дневнике МИД в записи от 21 августа 1916 г. говорится, что и по мнению начальника штаба верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева развитие военных действий на

Балканах приветствуется, но только в тот момент, когда русские силы будут иметь гарантию безопасности на теперешнем Восточном фронте. При этом он считает, что целью России должны быть не только военные действия на Балканах, не только разгром болгар или помощь союзникам, но и более широкие задачи, одной из которых являлось бы направление наших сил на Константинополь³¹.

Русский экспедиционный корпус на Салоникском фронте входил в состав межсоюзнических воинских контингентов (Экспедиционный корпус русской армии во Франции и Греции), сформированных специально для действий на Балканах во время Первой мировой войны в 1916–1917 гг. Император Николай II, который посчитал направление войск на Салоникский плацдарм традиционной миссией России по защите единоверных славян на Балканах, сразу санкционировал этот проект. Русская 2-я Особая бригада прибыла на Салоникский фронт тремя эшелонами: 27 июля, 8 и 10 августа 1916 г. Всех воинов быстро вооружили и обучили обращению с незнакомым им оружием европейского образца, и в августе генерал Саррайль уже бросил их в бой с болгарскими частями. В октябре 1916 г. прибыло еще одно подразделение — 4-я Особая пехотная бригада, собранная из бойцов запасных полков. Общее количество русских солдат, воевавших на греко-македонском пограничье, достигло 20 тыс., а с учетом постоянного пополнения — 30 тыс. человек³². Русские войска размещались в большом военном лагере Зейтелинк, в пригороде Салоник, где сейчас находятся захоронения русских и сербских военных.

Присутствие русского корпуса в Салониках обусловило еще более внимательное отношение МИД России к греческим делам. Так, в Справке дипломатической канцелярии при Ставке «О событиях в Греции» дается запись беседы последнего министра иностранных дел царской России (с ноября 1916 г. по март 1917 г.) Н.Н. Покровского с представителями петроградской и московской печати от 13(26) декабря 1916 г. «Последние события в Греции вызвали весьма понятное беспокойство общественного мнения, как у нас, так и за границей. С самого начала войны державы-покровительницы, в руках которых находится судьба Греции, обязанной им своим существованием, основыва-

ясь на неоднократных формальных заявлениях греческого правительства, имели право рассчитывать если не на благожелательное к ним отношение, то, во всяком случае, на благоразумие. К сожалению, благодаря проискам наших врагов, — подчеркнул министр, — и легкомысленному попустительству представителей власти великодушные держав, относившихся к Греции как сильный к слабому, было неправильно истолковано в некоторых кругах этой страны и понято как признак слабости. Всем известны обстоятельства нападения в Афинах на воинские части наших союзников и кровавые беспорядки, разыгравшиеся на этой почве на афинских улицах. Кроме этого союзные державы в настоящее время не могут ни на одну минуту допустить возможность существования условий, угрожающих их военным интересам. В соответствии с этим к мерам, принятым уже ранее, ныне державы имеют в виду присоединить еще некоторые решительные требования военного характера, которые должны покончить с “греческой” несправедливостью»³³.

Греческий вопрос очень подробно обсуждался также на заседании руководства МИД 8 января 1917 г. На нём присутствовали: министр иностранных дел Н.Н. Покровский, товарищ министра А.А. Нератов, советник 2-го Политического отдела А.М. Петряев, начальник канцелярии министра иностранных дел Б.А. Татищев, директор дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем Н.А. Базили и вице-директор 2-го департамента князь Л.В. Урусов.

Греческий вопрос стоял первым номером в повестке дня. В отчете об этом заседании было записано, что в настоящее время надо признать, что греческое правительство находится на пути к исполнению требований союзников, предъявленных ему в последней ноте. Министр иностранных дел Н.Н. Покровский указал, «что несмотря на обещания, Греция всё же внушает недоверие, и можно ожидать от нее сюрпризы»³⁴. Он также проинформировал коллег, что для наблюдения за выполнением Грецией принятых ею обязательств установлен контроль союзных офицеров, наблюдающих за передвижением греческих войск в Пелопоннесе. Одновременно учреждался контроль союзников над правительственными учреждениями. Было решено, что вопрос

контроля как таковой должен быть рассмотрен также на военном совещании.

А.М. Петряев на вопрос министра как лучше объединить усилия держав, отвечал, что для этого следует изменить общий облик состава представителей держав Согласия в Афинах. По его мнению, российским интересам отвечало бы отозвание французского посланника в Греции (в 1916–1917 гг.) Ж. Гильмена, действия которого больше всего вредят российским интересам. Не задевая интересов Франции, следует пойти по пути замены всех представителей держав Антанты в Афинах. А.А. Нератов подчеркнул, что в политике держав в Греции нет единой воли, «а каждый ревниво отстаивает свой личный интерес и точку зрения». Покровский предложил установить в Греции влияние одной державы, хотя бы Англии как наиболее спокойно относящейся к этому вопросу. Однако было указано на ошибки Англии в балканской политике, в особенности в отношении болгарского вопроса. И участники заседания не пришли к единому мнению³⁵.

По мнению Н.А. Базили, единственным лицом, которое способно было бы ослабить разногласия союзных держав, мог стать командующий союзными войсками на Салоникском фронте при условии, что он будет пользоваться всеобщим уважением и проч. Однако нынешний командующий генерал М. Саррайль, к сожалению, не обладает такими качествами и не вызывает доверия союзников, а что еще хуже — часто раздражает греков. Покровский считал, что если так, то следует отозвать Саррайля, но это трудно осуществимо. Нератов также указал, что вопрос о перемене командования можно обосновать желанием установить новую атмосферу, но невозможно связывать вопрос с отдельными личностями³⁶.

В результате многочасового заседания было постановлено:

1. Добиваться наибольшего согласования отдельных интересов держав Согласия для достижения единства действий;
2. Установить меры противодействия возможному новому движению в Греции (венизелизму. — *О. С.*);
3. В целях объединения и установления большего единства среди союзников в вопросах политических и военных, признано желательным добиться отозвания генерала Саррайля и французского посланника в Афинах Гильмена³⁷.

8 января 1917 г. участники Римской конференции держав Антанты от имени Англии, Франции, России и Италии обратились к правительству Греции с нотой, в которой содержались ультимативные требования союзников о транспортировке греческой армии и техники на Пелопонесский полуостров, и о союзном контроле за этим процессом. В случае скорейшего выполнения всех требований союзники обещали с уважением отнестись к желанию афинского правительства сохранить нейтралитет и не допускать распространения венизелизма. 12 января союзные державы передали Греции дополнительную ноту, требуя немедленного принятия, без всяких оговорок, ультиматума от 8 января 1917 г. Греческое правительство ответило нотой, в которой соглашалось на все требования без оговорок³⁸.

Интересно содержание «Протокола заключительного заседания петроградской союзной конференции 7 (20) февраля 1917 г.». Затронув вопрос о блокаде Греции, министр Покровский отметил, что последние известия о положении в Греции вновь вызывают тревогу, однако изменить решение конференции насчет снятия блокады не следовало бы, поскольку оно по-прежнему точно соответствует положению. В результате многочасовых обсуждений, Конференция постановила: опираясь на решение, принятое в Риме, что как только специальные представители, призванные осуществлять надзор, заявят о полном исполнении Грецией предъявленных ей требований, пройдет смягчение блокады и будет допущен ограниченный импорт продовольствия, не превышающий двухдневные или трехдневные потребности населения в пропитании; число портов, через которые сможет осуществляться ввоз, будет строго ограничено ради обеспечения действенного контроля³⁹.

В дневнике русского дипломата, князя Льва Владимировича Урусова (в 1916–1917 гг. — вице-директор сначала Второго, а затем Экономического департамента), частично опубликованном в сборнике МИД, имеется любопытная запись от 1 (14) января 1917 г. о возвращении из немецкого плена Янчевецкого (Василия Григорьевича, будущего писателя Яна, который с 1912 г. находился в Константинополе и на Балканах, как специальный корреспондент Петербургского телеграфного агентства [ПТА]).

Янчевецкий много рассказывал о настроениях в Австро-Венгрии и Германии. По его словам, «в Берлине настроение несравненно хуже, нежели в Вене, — у немцев нет мечты, на которой они могли бы отыгаться, — ходят они по грязному городу сумрачные. Едят и пьют суррогаты и также совсем предусмотрительны к русским. И затаили теперь уже ненависть к Англии. К Греции интерес отгорел — ни греки ничего путного не сделали, ни мы, союзники, не можем похвалиться хорошо разыгранной игрой — мы потеряли Грецию по примеру прочих балканских держав — но в этой игре, к счастью, проиграли-то одни греки»⁴⁰.

В дневниковой записи Урусова от 29 мая 1917 г. вновь находим интересные сведения о Греции и отношении к ней новых политических сил России. «В Греции что-то творится неладное: шатается трон короля Константина — знаю, что и мы там официально орудуем, но опять-таки, это одна только видимость — России там нет, один только посланник Е.П. Демидов. Не имея возможности по долгу русского человека и по личному убеждению изменить курс русской внешней политики, который очевидно соответствует жизненным интересам России, Терещенко (Михаил Иванович, с мая по октябрь 1917 г. — министр иностранных дел Временного правительства. — *О. С.*), а раньше Милуков (Павел Николаевич, министр иностранных дел Временного правительства с марта по май 1917 г. — *О. С.*), [...], общерусская интеллигенция, засевшая в МИД, не имеет одновременно реальной власти над Россией, реального контакта с беснующимся самодержавным народом. [...] Народ, в свою очередь, до сих пор еще не взял внешнюю политику в свои руки, а, следовательно, не сказал своего творческого слова в этой области»⁴¹. Наконец, в записи от 31 мая 1917 г. читаем: «Король греческий отрекся от престола в пользу своего второго сына. Событие это произошло под давлением союзников и России, пославших в Афины Жоннара (одного из самых авторитетных французских политиков Шарля Жоннара. — *О. С.*), — и операция до сих пор прошла с большой легкостью. Это событие может быть чревато последствиями, в особенности, если сопоставить его с тем, что Мандельштам (российский посланник Андрей Николаевич Мандельштам [1869–1949]. — *О. С.*) работает в Берне над сепаратным миром с Турцией и Болгарией — от Ноль-

де (барона, Бориса Эммануиловича Нольде, видного российского дипломата. — *О. С.*) я, между прочим знаю, что сепаратный мир с этими державами является целью политики Терещенко — это, так сказать, его самостоятельный трюк — событие это, однако, комментируется немного небрежно, что вполне естественно — демократы не знают, где это находится Греция — а буржуи так подавлены развитием анархии и походом на них пролетариев, что им не до греческих неурядиц — те неурядицы, которые происходят у нас, им куда ближе и больше»⁴².

15 июня 1917 г. Урусов записывает: «[...] В Ставке превосходное настроение — деятельно готовятся к наступлению — вот тоже большая и весьма опасная игральная карта — а играть ее нужно, а ежели наступать с головой и вовремя остановить наступление и закрепить, благодетельные результаты наступления будут неисчислимы во всех отношениях. В Греции Венизелос пришел ко власти — недалек момент вступления Греции в войну против Германии — очень может быть, что и Норвегия пойдет по тому же пути. Нейтралитет теперь — это недоразумение с т.[очки] зрения воюющих — и преступление против своей страны»⁴³. И, наконец, последняя запись в дневнике Урусова, касающаяся Греции, от 28 июня 1917 г.: «Румынский фронт — и в связи с этим и событиями в Греции может наметиться весьма интересная операция против Болгарии. Создается такое впечатление, что дело войны вновь переходит в руки военачальников (аппетит приходит во время еды) — успех окрыляет — и те самые солдаты, которые колебались, выходить ли им из окопов, — пойдут на Львов, как цели реальной и им понятной — игра началась и хочется выиграть»⁴⁴. И, действительно, мировая война втягивала в свою орбиту новые государства и народы. В 1917 г. в войну вступили на стороне Антанты также Китай, Бразилия, Куба, Панама, Либерия и Сиам.

Греция вступила в войну 2 июля 1917 г. на стороне Антанты после отречения прогермански настроенного короля Константина, объявив войну Центральным державам. В России назревала очередная революция, и все силы были брошены на решение главных военных и внутривосточных задач. Большевистское правительство, опубликовав все тайные договоры царского правительства с державами Антанты, вышло из войны и бросило на произвол судьбы Русский корпус как во Франции, так и в Греции.

Примечания

- 1 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов. Тула, 2014.
- 2 Там же. С. 48.
- 3 Там же. С. 47.
- 4 Международные отношения в эпоху империализма (далее — МО). Сер. III. Т. VIII. Ч. 2. С. 133; Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Канцелярия 1915. Д. 100. Т. 1. Л. 176.
- 5 АВПРИ. Ф. Политархив 1915. Д. 338. Л. 181, 310, 315, 316; МО. Сер. III. Т. VIII. Ч. 2. Примеч. 1. С. 242; *Theodoulou C. Greece and the Entente*. Aug. 1, 1914 — Sept. 25, 1916. Thessaloniki, 1971. P. 170.
- 6 Более подробно о позиции Греции в Первой мировой войне см.: *Соколовская О.В. Греция в годы Первой мировой войны. 1914–1918*. М., 1990.
- 7 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 205.
- 8 АВПРИ. Ф. Канцелярия 1915. Д. 100. Т. 2. Л. 195; МО. Сер. III. Т. VIII. Ч. 2. С. 338; *Theodoulou C. Greece... P. 176; Leon G. Greece and the Great Powers. 1914–1917*. Thessaloniki, 1974. P. 218, 219; *Abbot G. Greece and the Allies*. L., 1922. P. 57.
- 9 Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. М., 1922. С. 7; АВПРИ. Ф. Канцелярия 1915. Д. 100. Т. 1. Л. 180.
- 10 *Валентинов Н.* Сношения с союзниками по военным вопросам в 1914–1918 гг. М., 1929; *Зайончковский А.М.* Мировая война, 1914–1918. М., 1924; *История первой мировой войны, 1914–1918*. М., 1975. Т. 2; *Каленковский А.К.* Дарданелльская операция. М., 1938; *Адамов Е.А.* Предисловие к публикации «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны». М., 1922; *Гримм Э.Д.* Политическая обстановка военных операций для захвата Константинополя и Проливов, 1915–1917 гг. (Предисловие к сборнику «Константинополь и Проливы». М., 1926. Т. 2); *Захаров С.* Англия во время первой мировой войны. 1914–1916 // *Историк-марксист*. 1939. Кн. 5, 6; 1940. Кн. 2 (78); *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М., 1947; *Higgins T. W. Churchill and the Dardanelles*. N.–Y., L., 1962; *Leon G.B. Russia and the Question of the Greek Participation in the Dardanelles Expedition // Balkan Studies*. Thessaloniki, 1969. V. X. I. P. 17–18; *Στεφ. Ι. Στεφανου. Δαρδανελς 1915*. Αθηνα, 1987.
- 11 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 184.
- 12 Там же. С. 193.
- 13 *Churchill W. The World Crisis*. 1915. N.–Y., 1923. P. 92–93.
- 14 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 214.
- 15 Там же.
- 16 Там же. С. 216.
- 17 Там же. С. 56.
- 18 Там же. С. 53.
- 19 Там же. С. 84.
- 20 Европейские державы... С. 24.
- 21 *Данилов Ю.Н.* Русские отряды на французском и македонском фронтах, 1916–1918 гг. Париж, 1933; *Корсун Н.Г.* Балканский фронт мировой войны

- 1914–1918 гг. М., 1939.; История Первой мировой войны 1914–1918 гг. // под редакцией И.И. Ростунова. В 2-х томах. Т. 2. М., 1975. С. 512 и др.
- 22 АВПРИ. Ф. Политархив 1915. Д. 4261. Л. 52.
- 23 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 478.
- 24 Там же. С. 535.
- 25 Там же. С. 95.
- 26 Там же. С. 101.
- 27 Там же. С. 241.
- 28 Там же. С. 243.
- 29 Там же. С. 157.
- 30 Там же. С. 157–158.
- 31 Там же. С. 158.
- 32 <https://topwar.ru/157495-russkie-brigady-salonikskogo-fronta.html> (дата обращения: 31.06.2020). Русские бригады Салоникского фронта. 8 мая 2019 г.
- 33 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 307–308.
- 34 Там же. С. 310.
- 35 Там же.
- 36 Там же. С. 311.
- 37 Там же.
- 38 Там же. С. 313.
- 39 Там же. С. 336.
- 40 Там же. С. 793–794. См. также: Дневники Л.В. Урусова. 1914–1917. М., 2018.
- 41 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 826–827.
- 42 Там же. С. 828.
- 43 Там же. С. 830.
- 44 Там же. С. 832.